

Глава 8. Свадьба — так свадьба. Развестись можно и через пару месяцев

Тан Лофань так и не понял, почему этот «одноклассник Линь», только что открыто сомневавшийся в его способностях, всё же согласился оплатить целый месяц занятий. Впрочем, какая разница? Главное — контракт у него в руках. За этот месяц он успеет многому научиться у Ли Цзысянь.

Лофань весело помахал заполненным бланком перед Сяо Цяо:

— А где наша старшая? Я удержал для неё такого щедрого покровителя, не пора ли и нам с ней подписать соглашение об обучении?

Сяо Цяо лишь развела руками:

— Придётся подождать. Учитель Ли сейчас спит наверху. Чтобы закрыть заказы за этот месяц, она трое суток глаз не смыкала.

— Что за спешка? — с любопытством спросил Лофань. — Ради каких заказов нужно не спать три дня?

— Да если бы один! Их пятьдесят штук! И все крупноформатные, не меньше метра на семьдесят.

— Пятьдесят полотен за месяц?! — ахнул Лофань. — Она же себя в могилу загонит!

— Сама виновата, — фыркнула Сяо Цяо, безжалостно рубя правду-матку. — Нашла себе муженька на помойке. Этот урод набрал под её имя кредитов больше чем на сорок миллионов — якобы на бизнес, а когда прогорел, просто сбежал. И теперь учитель Ли осталась один на один с долгами. Вот и вкалывает круглые сутки, чтобы выплатить эту астрономическую сумму.

Лофань опешил.

— Но разве нельзя его найти и подать в суд?

— Бесполезно. Все бумаги оформлены на её имя. С точки зрения морали он подлец, но по закону платить должна она. — Сяо Цяо презрительно хмыкнула: — Да даже если его найдут, она первая пойдёт на попятную. Этот мерзавец — какой-то мелкий актёришка. Ли Цзысянь без ума от его смазливой мордашки. Всё в нём — лицо, фигура, цвет кожи — прямое попадание в её извращённый вкус. Она же у нас безумный эстет, ценитель красивых лиц.

Лофань промолчал.

"Ценитель красивых лиц... — он горько усмехнулся про себя. — Именно из-за этой глупой слабости мой персонаж в романе и закончил как пушечное мясо"

— Вот поэтому я не верю писаным красавцам, — с высокомерным видом умудрённой опытом женщины заявила Сяо Цяо. — Даже если вы с этим вашим господином Линем разъезжаете на роскошных машинах, носите брендовые шмотки и выглядите как модели с обложки — меня этим не проймёшь.

Лофань лишь мысленно улыбнулся.

"Похоже, у этой девушки за плечами тоже скрывается какая-то личная драма"

— Клиент ушёл?.. Деньги у нас?..

За их спинами раздался тихий, загробный шёпот. Вздвогнув от неожиданности, Лофань обернулся. Позади них, словно бесплотный дух, покачивалась Ли Цзысянь. Лицо художницы отливало мертвенной бледностью, растрёпанные волосы закрывали половину лица. Огромные тёмные круги под глазами и остекленевший, пустой взгляд довершали картину. Сейчас она выглядела ещё страшнее, чем утром, когда Лофань только пришёл в студию.

Сяо Цяо, ничуть не смутившись тем, что её только что застучали за сплетнями, деловито доложила:

— Всё в лучшем виде. Господин Линь Хэ оплатил месяц занятий. Вот расписание и договор на оказание услуг.

Ли Цзысянь скользнула взглядом по сумме гонорара, пошатнулась и с облегчением возвела глаза к потолку:

— О боги... Какое счастье. На очередной платёж по кредиту хватит.

Видя её измождённый вид, Лофань не решился заговаривать об условиях своего обучения:

— Старшая, может... тебе всё-таки прилечь? На тебя же смотреть больно.

— Нет, я в порядке, — упрямо мотнула головой Ли Цзысянь. — Нужно сегодня же закончить ещё одну картину и отправить заказчику, чтобы получить расчёт.

Вспомнив об их уговоре с Лофанем, она добавила:

— Ты ведь хотел посмотреть за моей работой? Идём наверх, буду писать и попутно объяснять.

Договорив, она случайно опустила затуманенный взгляд на холст, где только что практиковался Хэ Хуай. Глаза её мгновенно округлились, сонливость как рукой сняло. Словно восставший мертвец, она резко подалась вперёд и вскрикнула:

— Мать твою женщина! Это кто сотворил?!

Лофань в очередной раз вздрогнул от её эмоциональной вспышки и поспешил объяснить:

— Я набросал карандашный контур, а твой щедрый клиент, одноклассник Линь, наложил цвет. Что-то не так?

Ли Цзысянь ткнула пальцем в холст:

— Да тут же сплошной мрак! Если бы этой картине нужно было дать название, я бы нарекла её «Смертью». Цвета всегда отражают то, что творится в душе. Неудивительно, что этот богачей пришёл лечить нервы искусством. Парень явно на грани нервного срыва.

Лофань промолчал и впервые по-настоящему взгляделся в работу своего ученика.

Свинцовое небо, затянутое тяжёлыми, грозowymi тучами. Выжженная, растрескавшаяся земля. Скрюченные, словно в судороге, ветви деревьев. Даже птицы казались чёрными силуэтами, отчаянно борющимися с давящей пустотой этого беспросветного мира. Начиная занятие, Лофань сам предложил ему раскрасить рисунок так, как подсказывает сердце. Но он и подумать не мог, что внутренний мир «одноклассника Линя» окажется настолько мрачным и безжизненным.

Ли Цзысянь действительно разбиралась в арт-терапии. Глядя на буйство тёмных красок, она задумчиво произнесла:

— Судя по палитре, твой подопечный долгое время носит в себе какую-то глубокую обиду или сильное потрясение, о котором никому не может рассказать. И это уже бьёт по его психике.

Лофань удивлённо приоткрыл рот:

— И обычное рисование правда может помочь?

— Должно. Но при одном условии, — Ли Цзысянь на секунду задумалась. — На следующих уроках постарайся разговорить его. Такие люди безумно одиноки. Они тащат на себе непосильный груз ответственности и ни с кем не делятся своими тревогами. Если во время рисования тебе удастся мягко подтолкнуть его выговориться, это станет для него лучшей терапией.

— Но справлюсь ли я? — засомневался Лофань. — Я ведь ничего не смыслю в психологии. Может, тебе самой стоит вести его занятия?

Если у этого «одноклассника Линя» действительно проблемы с ментальным здоровьем, Лофань боялся сделать только хуже.

— Мне? — Ли Цзысянь уставилась на него своим фирменным потусторонним взглядом. — А на какие шиши я тогда буду учить тебя?

Лофань мысленно вздохнул.

"Ну и окружение у меня — один хитрее другого!"

Поднявшись на второй этаж, они вошли в просторную и светлую мастерскую Ли Цзысянь. Комната была заставлена стеллажами и столами, на которых в художественном беспорядке громоздились тюбики с масляной краской, кисти, мастихины и заготовленные подрамники. Царил настоящий творческий хаос.

Однако стоило Лофаню переступить порог и вдохнуть едва уловимый, знакомый с детства аромат льняного масла и растворителя, как в его душе всколыхнулись давно забытые воспоминания. Точно в такой же мастерской, залитой солнечным светом, когда-то давно мама учила его держать кисть. На мгновение перед глазами возник нежный, улыбающийся образ матери. Лофань словно услышал её ласковый голос: «У нашего Фаньфаня так хорошо получается. Обещаешь, что всегда будешь рисовать вместе с мамой?»

Он огляделся по сторонам — краски, холсты, подрамники... Горло сдавило от нахлынувших чувств, а перед глазами поплыла влажная пелена.

Ли Цзысянь, не заметив его состояния, продолжала обустривать его на новом месте:

— Вон те пустые подрамники в углу — мой брак, можешь брать их для набросков. На этом столе ничего не трогай. Инструменты бери любые, но после работы обязательно возвращай всё на свои места.

С этими словами она уселась перед огромным незаконченным холстом и принялась смешивать краски на палитре.

— Времени проверять твои навыки у меня сейчас нет, да и я до конца не понимаю, чему именно ты хочешь у меня научиться. Просто стой рядом и смотри. Когда буду применять сложные техники, буду объяснять, что к чему. Идёт?

— Идёт, — тихо отозвался Лофань.

Он незаметно отвернулся, с усилием сглотнув подступивший к горлу ком, и заставил себя успокоиться.

Когда он снова посмотрел на Ли Цзысянь, та уже полностью погрузилась в работу. Каким бы нелепым ни казался её внешний вид и какими бы жалкими ни были её успехи на личном фронте, стоило признать: звание настоящего мастера она носила вполне заслуженно. Новое полотно поражало сложностью композиции и глубиной замысла. Несмотря на крайнюю степень истощения, движения художницы были уверенными и точными. Она по несколько раз переписывала один и тот же мелкий фрагмент, добиваясь безупречной игры света и тени. При этом она непрерывно говорила — скорее рассуждала вслух, снимая напряжение, нежели поучала: объясняла, как правильно распределить объём, передать глубину пространства и уложить слои краски так, чтобы они не смешивались в грязь.

Лофаню эти сумбурные лекции были только на руку. Словно иссохший росток, наконец-то дождавшийся живительной влаги, он жадно впитывал каждое движение её руки, запоминал тонкости нанесения мазков и тут же пытался повторить услышанное на своём тренировочном холсте.

Время пролетело незаметно. За окном сгустились сумерки.

Ли Цзысянь наконец сделала последний мазок, искусно вписав свою подпись в сплетение ветвей в правом нижнем углу картины. Отойдя на шаг, она хрипло закричала:

— А-а-а! Готово! Наконец-то получу расчёт!

И в ту же секунду её покачнувшееся тело рухнуло навзничь прямо на пол.

— Старшая?! Учитель Ли! Что с тобой? — Лофань в панике отбросил кисть и бросился к ней. — Сяо Цяо! Сяо Цяо, беги сюда быстрее! Она в обмороке!

Послышались торопливые шаги, и в мастерскую взбежала Сяо Цяо. С абсолютно невозмутимым видом она опустилась на корточки, пощупала пульс на запястье художницы, проверила дыхание, пару раз несильно похлопала её по щекам и вздохнула:

— Всё в порядке. Просто отключилась. Спать хочет.

— Уснула? — опешил Лофань. — И что теперь делать? Оставить её прямо здесь, на холодном полу?

Сяо Цяо привычным движением достала из-под стеллажа сложенный матрас, расстелила его рядом и, словно замороженную тушу тунца, перекатила одеревеневшее тело Ли Цзысянь на мягкое место. Отряхнув ладони, она резюмировала:

— Готово.

Все манипуляции были выполнены настолько ловко и обыденно, что Лофань сразу понял: подобный аттракцион здесь устраивают регулярно.

Поздним вечером, едва Лофань переступил порог родного дома, отец сразу же вызвал его к себе в кабинет.

Тан Цюфу сидел за массивным столом с суровым и сосредоточенным лицом. Окинув вернувшегося сына долгим, оценивающим взглядом, он сразу заметил яркое пятнышко масляной краски на манжете его куртки. Кулаки пожилого мужчины слегка сжались. Он глухо спросил:

— Где ты был весь день?

Лофань опустил голову и неловко затеребил прядь волос у уха:

— Да так... прошвырнулся по городу. Меня ведь столько лет здесь не было, хотелось немного осмотреться, привыкнуть.

Отец всегда отличался крутым нравом, держал сыновей в строгости и разговаривал мало, поэтому Лофань с детства испытывал перед ним благоговейный трепет. Сейчас, откровенно не договаривая правды, он едва справлялся с волнением.

Тан Цюфу посмотрел на сына, избегающего его взгляда, и тихо вздохнул:

— Дядя Чжао сказал, ты опять заперся в старой кладовой и рисовал?

— Да, — едва слышно выдавил Лофань.

Отец помолчал, обдумывая ответ, и наконец произнёс уже мягче:

— Увлечение — это хорошо, но оно не должно мешать делу. Помни о проекте застройки «Северный город номер один». В понедельник ты официально выходишь на работу в корпорацию Тандин.

— Да, папа, я помню.

— Твой второй брат упомянул, что Хэ Хуай произвёл на тебя хорошее впечатление. И что ты

согласен на этот брак. Это правда?

Лофань замялся. Только что он скрыл от отца свои визиты в художественную студию, а теперь приходилось врать и о Хэ Хуае. Стараясь не выдать себя, он выдавил натянутую улыбку:

— Да... он показался мне вполне достойным человеком. Я не против свадьбы.

— Раз так, то и славно, — Тан Цюфу поднялся из-за стола и ободряюще похлопал сына по плечу. — Я пересекался с Хэ Хуаем несколько раз по работе. Парень толковый, хваткий, знает себе цену. К тому же... — Мужчина неловко кашлянул. — Найти подходящего спутника твоего круга среди мужчин — задача непростая. Семья Хэ нам ровня, да и сам он человек порядочный. Для тебя это лучший вариант.

Лофань прекрасно всё понимал. Династический брак принесёт огромную выгоду обеим корпорациям, но отец, предлагая кандидатуру Хэ Хуая, руководствовался прежде всего заботой о будущем сына. Любой родитель желает своему ребёнку надёжного и сильного партнёра.

"Вот только отец не догадывается, что сердце Хэ Хуая давно занято его «белым лунным светом» — Ли Янем. Именно они являются главными героями этого мира"

Его собственный союз с наследником семьи Хэ продержится от силы несколько месяцев, после чего неминуемо последует развод. Лофань не собирался раскрывать карты. Он уже всё для себя взвесил и наметил чёткий план действий.

Посмотрев отцу в глаза, он мягко улыбнулся:

— Спасибо, папа. Я ценю твою заботу.

— В ближайшее время я свяжусь с Хэ, и мы назначим дату совместного ужина, чтобы официально обсудить все детали.

— Хорошо.

Особняк семьи Хэ

Хэ Хуай допоздна засиделся в своём кабинете за изучением годовых отчётов.

В дверь негромко постучали. В комнату скользнул его личный помощник Юй Хуэй:

— Господин Хэ, только что звонила ваша матушка. Она сообщила, что младший сын семьи Тан остался чрезвычайно доволен вашей встречей и выразил полное согласие на брак. Госпожа просит вас выделить свободный вечер для официального ужина с четой Тан, чтобы утвердить дату и детали предстоящего торжества.

— Доволен мной? — Хэ Хуай оторвался от бумаг. В его тёмных глазах промелькнула холодная усмешка. — Похоже, его второй брат, Тан Цзюньэр, слегка приукрасил действительность перед отцом. Наш юный господин Тан просто не смог устоять под натиском собственной семьи.

— Весьма вероятно, — кивнул Юй Хуэй. — Но ваша матушка пребывает в полной уверенности, что вы уже поладили. Она даже начала потихоньку делиться новостью о скорой помолвке в светских кругах.

— Как всегда, торопит события, — Хэ Хуай вновь опустил взгляд на лежащие перед ним документы, скрывая истинные эмоции.

— Значит, вы подтверждаете согласие на этот союз? — осторожно уточнил ассистент.

— Обычный фиктивный брак ради взаимной выгоды. Почему бы и нет? — сухо бросил Хэ Хуай, переворачивая страницу отчёта. — Выбери в моём расписании пару свободных вечеров на следующей неделе и передай список матери. Пусть договаривается с Тан.

— Будет сделано.

Юй Хуэй немного помедлил, а затем добавил:

— К слову, на официальном сайте Университета F мне так и не удалось найти ни одной фотографии Тан Лофаня. Однако я выяснил, что он близко дружит с сыном семьи Сун, Сун Цзязэ. Может, стоит подобраться к нему и разузнать побольше о вашем будущем женихе? Добыть пару снимков?

— Излишне, — даже не взглянув на помощника, отрезал Хэ Хуай. — Мне абсолютно всё равно, как он выглядит и что из себя представляет. Нас обоих принудили к этому шагу. Сразу после свадьбы мы подпишем брачный контракт, а через несколько месяцев тихо и мирно разведёмся.